

Н. А. Морозов

Повести моей жизни

Том 2. Книга 3-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М80

М80 **Морозов Н.А.**
Повести моей жизни: Том 2. Книга 3-4 / Н. А. Морозов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 560 с.

ISBN 978-5-458-55632-3

ISBN 978-5-458-55632-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

IX. ДНИ ИСПЫТАНИЯ¹

1. Я ВНОВЬ НА РОДИНЕ

Дремал тусклый серый день.

Когда мы выехали в свой путь с берегов Женевского озера, был полный разгар весны, но, по мере нашего движения сначала к северу, а потом к востоку, мы снова постепенно въезжали в область зимы. Казалось, что с каждой сотней километров я и Саблин удалялись также и в прошлое. Ведь зима, казалось нам, предшествует весне, а мы из весны возвратились в зиму. Взамен зеленеющих деревьев и луговых цветов, мы въехали в сугробы снега. Он покрывал здесь все кругом, и ни одна древесная почка еще не наливалась соками на оголенных от листьев сучьях.

На станции нас встретил служащий там немец Крюгер. Он был помощником знакомых нам евреев-контрабандистов, и сам занимался контрабандой. Те дали нам его адрес после нашего переезда за границу прошлой весной, и мы посылали на его имя все тюки номеров издаваемого нами в Женеве «Работника», по мере их выхода в свет, для переправки контрабандой в Россию.

Однако теперь Крюгеру, повидимому, захотелось поработать самостоятельно.

— Зачем вам ездить к евреям так далеко, — сказал он, уводя нас в свой домик. — Я вас так же хорошо переведу через

границу, как и они, а возьму дешевле. Они с вас брали по двадцати пяти рублей, а я только по десяти, да и скорее будет сделано.

— А как же вы переправите нас? — спросил Саблин.

— Очень просто! Я возьму вам немецкие паспорта у заведующего этим делом моего знакомого, и вы оба пройдете прямо через станцию под именем германских подданных. Это у нас часто делается.

— Надо подумать! — сказал Саблин. — Главное затруднение, что мы плохо говорим по-немецки.

— Говорить совсем и не нужно, — возразил Крюгер. — Там на станции не разговаривают с проезжающими. Все, что требуется ответить, это ja, ja! или nein, nein! * — когда будут осматривать чемоданы.

Саблин отвел меня в сторону.

— Как ты думаешь? — спросил он.

— Это было бы хорошо! — ответил я, всегда имея в виду не издержать ни одной лишней копейки из средств, назначенных на общественное дело. — Ведь мы сохранили бы нашему обществу тридцать рублей.

— Да! — сказал он. — Я то же думаю. Можно будет проехать так, как он предлагает.

Он задумчиво пошел от меня и нерешительно сказал Крюгеру:

— Ну, что же, если вы ручаетесь, что проведете благополучно, так делайте по-вашему.

Тот немедленно побежал куда-то и через час принес нам два немецких листка для перехода через границу, один на имя Энгеля — для меня и другой на имя Брандта — для Саблина². С ними мы и сели в передаточный пограничный поезд со своими чемоданчиками в руках и через пять минут возвратились на свою родную землю.

Странно было впечатление России после заграницы!

Казалось, мы прибыли в военный лагерь. Везде мундиры со

* Да, да! нет, нет!

светлыми пуговицами, и для нашего глаза, отвыкшего от всего этого в гражданственной, свободной Швейцарии, где даже военные, вне исполнения своих обязанностей, ходят в штатском платье, эта перемена казалась поразительной, тем более, что не только жандармские и полицейские мундиры или мундиры пограничной стражи, но даже пальто штатских чиновников с их светлыми пуговицами казались нам с отвычки военной формой. Вся платформа была оцеплена полицией.

Наши чемоданы были тотчас же взяты из вагона носильщиком. Он провел нас через высокую дверь в большой пустой зал, средина которого была окружена изгородью вроде балконных перил. В ней посредине открывалась низкая перильчатая же дверь, в которую мы и были введены все вместе. В этой изгороди находился неприступный для непосвященных, как бы заколоченный четырехугольник из длинных черных столов, замыкающих в своей середине пустое пространство, где стояли посвященные: жандармы, полицейские и еще какие-то чиновники в пальто со светлыми пуговицами. Все мы, пассажиры, введенные в изгородь, были поставлены вокруг этих столов, положив перед собою наши полуоткрытые чемоданы.

Прошло полчаса в томительном ожидании. Наконец, явился жандарм с пачкой паспортов, и какой-то чиновник начал выкликать одного за другим владельцев этих документов. Каждый из них показывал тогда пальцем себе на грудь. К нему подходили таможенные служители, шарили более или менее старательно его чемодан, в зависимости от внешности владельца, а затем отдавали ему паспорт, и он уходил со своими пожитками из очистительного зала через противоположную перильчатую загородку, у которой, как и у первой, дежурил жандармский унтер.

— Энгель! — раздался, наконец, возглас чиновника со светлыми пуговицами.

— Ich bin hier! (я тут!) — ответил я.

Он подошел к моему чемодану.

— Haben Sie Tabak? (есть табак?) — спросил он.

— Nein (нет!) — отвечаю я.

Он порылся и пошел далее, выдав мне мой временный диплом на звание немецкого подданного. Листок мой был действителен только на сутки, да и то в пограничном районе.

То же самое было проделано с Саблиным и с Крюгером, у которого оказалась постоянная книжка на переход через прусскую границу.

Мы были пропущены, как и все другие, через заднюю часть изгороди в другую залу, из которой имели право уже сесть в русский поезд и ехать далее. Но в поезде оказались только первый и второй классы. Мы этого совсем не подозревали, переходя границу. Ехать во втором классе и таким образом даром выбросить деньги, назначенные нами на освобождение России, казалось преступлением.

— Когда идет следующий поезд с третьим классом? — спросил я Крюгера.

— Через четыре часа! — ответил он. — Хотите подождать? Тогда пойдемте к моей куме в деревню и напьемся у нее чаю.

Какой-то пожилой чиновник с жуликоватой физиономией, бритый, с седыми и острыми усами прошел около нас, затем вернулся назад и еще раз прошел мимо, прислушиваясь к нашему разговору. В то же время раздался свисток отходящего поезда.

— В таком случае пойдемте скорее! — сказал я Крюгеру, когда чиновник отошел.

Забрав свои чемоданы, мы отправились через улицу и повернули мимо какого-то трактира за угол по шоссе в соседнюю деревню. Я посмотрел назад. Из-за трактира выбежал черный длинный полицейский и посмотрел нам вслед.

— Скверно! — сказал я Саблину. — Тот бритый чиновник, верно, послал его посмотреть, куда мы идем.

— Нет! — сказал Крюгер. — Я того чиновника знаю. Он пограничный комиссар Смельский и давно на содержании у контрабандистов. Я и сам ему не раз приплачивал.

Мы несколько успокоились, но далеко не совсем.

«Ведь, если этот взяточник, — думал я, — почует возможность получения несравненно большей взятки с противоположной

стороны за поимку нас, то он сейчас же предаст своих прежних приятелей. Такова его физиономия».

— Нам нельзя теперь возвращаться на станцию и ехать оттуда по железной дороге, — заметил я. — На нас уже обращено внимание, и когда мы придем туда, нас, наверно, арестуют.

— Как же теперь быть? — сказал Крюгер.

Было видно, что этот глуповатый человек уже совсем растерялся и перетрусил.

— Наймите в деревне ямщика, чтоб отвез нас в ближайший уездный город или большое село подальше от границы.

— Как же! Как же! Хорошо! Хорошо! — воскликнул Крюгер радостно. — У меня тут брат живет, и он сам вас довезет до Владиславова.

— Вот и отлично. Там мы затеряемся. Бегите сейчас же и велите закладывать лошадей.

Крюгер привел нас в избу к своей куме, велел ей ставить самовар, а сам бросился в один из соседних домов к своему брату.

Инстинктивно чувствуя опасность, я с самого выхода из вагона незаметно держал в левой руке письмо Веры Фигнер, которое она передала мне в Берне для вручения ее друзьям в Москве и которое я обещал ей ни в каком случае не отдавать жандармам. В правом боковом кармане моих штанов находился заряженный револьвер с коробкой запасных патронов на случай, если придется защищать порученный мне документ с оружием в руках, убежав за какое-либо прикрытие. Еще до входа в избу я присмотрел против нее грудку разбросанных в беспорядке бревен, где можно было укрыться и отстреливаться с моим запасом патронов хоть целый час против толпы осаждающих, тогда как для уничтожения письма Веры мне было нужно всего лишь несколько минут.

Я сел у окна, не снимая своего пальто, а только распахнул его, в этой жарко натопленной избе, и начал смотреть перед собой на улицу и в поле за деревней. Там еще не было ничего подозрительного. Кое-где у южных стен домов были видны ве-

сенние проталинки. Слежавшийся снег на проселочной деревенской дороге резко отличался от прилегающих к нему белых полей за деревней своим грязно-желтым цветом и отдельными комками или целыми кучками оттаявшего лошадиного навоза, лежавшего тут и там по самой середине тройной полосы извивающегося в даль проселочного пути. Петух важно и гордо ходил со своими курами около одной из таких кучек у самой деревни, энергично разрывая ее своими вытянутыми, как ножки циркуля, шпористыми ногами, и затем показывал в ней что-то сбегаящимся к нему курам.

Привычная русская картина зимней оттепели, прикрытая тусклым, серым родным небом!

Вот и наш Крюгер быстро прошел мимо окна, возвращаясь от своего брата, и, войдя в избу, заявил:

— Лошади будут готовы через десять минут.

Мы вздохнули несколько свободнее, но это оказалось слишком преждевременно для нас. Почти в то же мгновение я увидел, как мимо окна пробежал ходивший недавно по железнодорожной платформе жулковатый седоусый Смельский, окруженный теперь не менее как пятнадцатью городовыми.

— Смотри! — показал я Саблину.

Но он уже сам все заметил. Взглянув на него, я был поражен бледным цветом его лица.

«Неужели так же бледен и я?» — пришло мне в голову.

Но в избе не было зеркала, чтобы я мог видеть выражение своего собственного лица, да не было и времени делать какие-либо наблюдения. В одно мгновение мне стало ясно, что наступил критический момент в моей жизни и далее она пойдет по новому, еще неизвестному мне, но нерадостному направлению.

«Надо встретить опасность лицом к лицу, — подумалось мне, — и прежде всего исполнить свой долг! А там будь, что будет! Надо напрячь все свое знимание на настоящее, а будущее пусть заботится само о себе!»

Дверь сразу распахнулась, и вся толпа, ворвавшись, как будто штурмом, в комнату, окружила нас. Я сразу почувствовал, что показать в этот миг какую-нибудь тревогу, сделать

резкое быстрое движение значило быть тотчас же схваченным несколькими руками. А мне этого нельзя было допускать, чтоб не погубить письма Веры, и потому я продолжал сидеть на своем месте у окна, делая вид, что я совершенно изумлен происходящим передо мною и не понимаю, что это значит.

Крюгер, совершенно бледный, стоял в противоположном углу.

— Кто вы такие? — грозно обратился пограничный комиссар к Саблину, как старшему из нас двоих по возрасту.

Он выступил при этом из-за спии городских, заслонявших его в первую минуту, и его жуликоватая выпуклая физиономия приняла вдруг хищный вид.

— Вот мой билет! — сказал Саблин, подавая свою немецкую бумагу.

— Я уже видел этот билет, — сказал Смельский, сейчас же кладя его в свой карман. — Это пропуск через границу — для немца, а вы русский! Я с самого начала обратил на вас внимание: вы оба русские!

— Нет! — вмешался я. — Мы немецкие подданные, я — Энгель, а он — Брандт.

— А почему же вы так хорошо говорите по-русски?

— Потому что мы выросли в Москве, — симпровизировал я, — и только три года назад переселились к себе на родину в Германию, после смерти дяди, оставившего нам наследство.

Смельский, видимо, не ожидал такого ответа и на минуту смешался.

— А зачем же в таком случае вы переехали границу с таким отчаянным контрабандистом? — вдруг воскликнул он, видимо обрадовавшись предлогу и показывая пальцем на бледного, растерявшегося Крюгера, стоящего в углу.

— Мы с ним случайно познакомились в Эйдкумене, — ответил я. — Мы даже и не подозревали, что он контрабандист.

— А что же вы намеревались здесь делать?

— Нам надо было побывать в России по личным делам.

— Каким делам?

— Это наши дела и никого не касаются! — ответил я.

— А! Никого не касаются! — воскликнул он. — Так пожалуйста обратню на станцию, где вас предварительно обыщут.

— Пойдемте! — сказал я. — Но только вы потом будете отвечать перед германским правительством, что задержали без причины немецких подданных.

Комиссар поморщился, но, пробормотав себе под нос какую-то ругань по адресу немцев, велел всем нам идти, в том числе и Крюгеру, от которого, как мы уже знали, он получал не раз подарки за провоз контрабанды.

Но с Крюгером он пошел сзади и, отстав, о чем-то говорил некоторое время вполголоса.

Первой моей мыслью было, конечно, отыскание способа как бы незаметно уничтожить письмо Веры. Я опустил в карман своего пальто левую руку и беззаботно обратился к идущему слева от меня полицейскому:

— Вы давно здесь служите?

— Два года.

— А тяжела служба?

— Да, не легка...

Отвлекая таким образом его внимание от моей руки и действуя в кармане одними пальцами, я оторвал от письма кусок и свернул его в плотный шарик величиною с орех. Вынув потом руку вместе с ним и со своим носовым платком, я сделал вид, что вытираю нос, а тем временем просунул шарик себе в рот. Но я чуть не подавился, проглотив его. Совершенно сухой, он едва-едва продрался в мое горло и словно проскреб его до самого желудка.

Смельский, услышав мой разговор с полицейским, сейчас же подбежал ко мне, оставив сзади Крюгера.

— О чем вы говорите?

— Да о трудности вашей службы.

— Да-с, не легка, и скажу: опасна-с! — ответил он.

— А я вот и без нее простудился! — заметил я. — Совсем не могу дышать без боли!

И вновь поднеся платок к своему носу, я принял новый ко-

мок бумаги, но проглотил его уже не сразу, как первый, а предварительно покатав языком во рту, и он, влажный, легче пошел через мое горло.

Я сам удивился, как легко я сделал все это. Я никогда не занимался фокусами, никогда не играл ролей в жизни, всегда старался казаться тем, что я есть, а между тем, как только нужда наступила мне на ногу, я вдруг получил способность действовать, как самый завзятый фокусник! Я шел с ним особенно развязно, а в тот миг, когда нужно было действовать незаметно, я быстро взбрасывал глазами на какой-либо отдаленный предмет, и все мои окружающие смотрели туда же, упуская на нужное мгновение из вида мою руку, в которой именно и заключался для них действительный интерес.

Откуда все это бралось? По какой интуиции?

Я сам не могу ответить на подобный вопрос! Велики и таинственны ресурсы человеческой души, и часто сам не знаешь, откуда появляются способности к тому или иному непривычному делу как раз в нужное мгновение, когда все внутренние струны напряжены!

С последним прошедшим внутрь меня глотком сухой бумаги огромная тяжесть, лежавшая свинцовым комом на моей душе, как будто свалилась с нее. Мне стало вдруг так легко!

«Как бы теперь вырваться самому, уведя с собой и товарища?» — мелькнула у меня мысль.

Крутом было поле. Далеко ли граница, я не знал. Я вынул из жилетного кармана мои часы, в циферблат которых, еще со времени моего детства, был вделан маленький компасик, и попробовал узнать по нему страны света, потому что граница, как я знал из географии, должна была лежать прямо к западу от нас, а без компаса нельзя было узнать, где запад, так как никаких признаков солнца не было видно за сплошными серыми слоями туч. Однако компас мой долго не устанавливался от колебания на ходу, и я только приблизительно мог отметить нужное мне направление, а смотреть долго было неудобно. Глаза всех моих спутников тоже уставились на мои часы.

«А как быть с Саблиным? — пришло мне в голову. — Если

я побегу назад, отстреливаясь от их погони, то что будет делать он, безоружный? Ведь за меня отомстят на суде ему как соучастнику! Да мы с ним даже и не сговаривались бежать в случае ареста! Нет! — решил я, — раз самое главное сделано, письмо уничтожено, попробуем оба стоять на том, что мы немцы, и требовать нашего освобождения или обратной высылки за границу!»

Это решение сразу успокоило меня. Убить для своего спасения несколько человек казалось мне ужасным. «Отдамся же, — подумал я, — на волю судьбы! Попробую выпутаться изворотливостью».

Но для изворотливости в данном случае оказалось одно большое неудобство: нас было двое. Опытные в подобных делах полицейские крючки сейчас же нас разъединили, а мы, новички и притом выбравшие этот более дешевый способ перехода русской границы экспромтом, не догадались сговориться на такой случай...

Меня ввели в отдельную комиату, Саблина — в другую. В первый момент мне даже не приходило в голову, что это была разлука на много лет. Иначе как утерпели бы мы не броситься тут же на шею друг другу! Но мы здесь расстались как будто на минуту. Меня оставили одного, усадив на стул, под стражей четырех полицейских, не спускавших с меня глаз, и все ушли к Саблину, как к более важному, потому что он был на шесть лет старше меня, а это при нашем возрасте составляло огромную разницу. Я имел тогда совсем юношеский вид, Саблин же обладал внешностью солидного человека, и все внимание сначала направилось на него.

Прошли томительные полчаса. Затем Смельский в сопровождении какого-то писца с чернилами вновь явился ко мне.

— Так вы сказали, что вы русский? — быстро и громко спросил он меня, становясь вплотную передо мною.

— Когда? Я говорил, что я немец.

— Нет! Вы сказали — русский, когда мы с вами шли сюда! Не будете же вы отрекаться от своих собственных слов?!